

Все что разыгралось въ Парижѣ, было лишь отраженіемъ того, что происходило въ провинціяхъ, отзвукомъ революціи, которая бушевала въ каждомъ городѣ, каждой деревнѣ, которую народъ былъ готовъ всецѣло направить не противъ центральнаго правительства, а противъ своихъ непосредственныхъ враговъ: эксплуататоровъ, этихъ піявокъ, присосавшихся къ его организму.

Словомъ, революція 1788—1793 года показала намъ, какъ народная революція (революція преимущественно экономическая, какъ всѣ народныя революціи) дезорганизуеъ Государство.

Во Франціи много раньше 1789 года замѣчалось революціонное настроеніе, но духъ возстанія еще недостаточно созрѣлъ, чтобъ разразилась революція. И революціонеры направляли всѣ свои усилія на развитіе этого духа непокорности и смѣлости, духа непримиримой вражды къ существующему социальному строю.

Въ то время, какъ революціонеры изъ буржуазіи устремляли свои нападки на правительство, революціонеры изъ народа, — тѣ, чьихъ именъ намъ даже не сохранила исторія, — подготавливали *свое* возстаніе, *свою* революцію и направляли всѣ свои дѣйствія противъ сеньоровъ, агентовъ государственной казны и всякаго рода эксплуататоровъ.

Въ 1788 году непрерывные народные бунты возмѣщали приближеніе революціи. Король и буржуазія стремились подавить ее уступками, но могли ли остановить народную волну Генеральные Штаты, іезуитскія уступки 4-го августа, жалкіе указы Законодательнаго Собранія? — Такимъ путемъ можно успокоить политическія волненія, но этого слишкомъ мало, чтобъ улеглось народное возстаніе. Волна подымалась все выше; стремясь поглотить собственность, она *подтачивала Государство*. Она дѣлала невозможнымъ утвержденіе какого бы то ни было правительства, и народное возстаніе, направленное противъ сеньоровъ и богачей, кончилось тѣмъ, что черезъ четыре года королевская власть и абсолютизмъ были уничтожены.

Таковъ ходъ всѣхъ великихъ революцій. Таковъ будетъ ходъ и развитіе будущей Революціи, если она — въ чемъ, конечно, мы не сомнѣваемся, — будетъ не простой переименованіемъ правительства, а настоящей народной революціей, катаклизмомъ, который переродитъ режимъ собственности.

Теорія и практика.

Когда мы говоримъ о новомъ порядкѣ вещей, который, по нашему мнѣнію, установится послѣ будущей революціи, намъ обыкновенно возражаютъ:

— „Все это — теорія; оставимъ ее на время въ сторонѣ и займемся практическимъ дѣломъ (рѣшеніемъ вопросовъ о выборахъ, напримѣръ). Подготовимъ переходъ власти въ руки рабочаго класса и тогда мы увидимъ, что можетъ дать революція».

Но есть что-то недоговоренное въ этихъ словахъ, и это заставляетъ усомниться въ справедливости и даже въ искренности этого разсужденія. Дѣло въ томъ, что у каждаго изъ возражающихъ намъ есть своя опредѣленная теорія относительно того, какъ должно организоваться общество на другой день, или, вѣрнѣе, въ день революціи. Они всѣ пользуются своими теоріями, твердо держатся за нихъ и пропагандируютъ свои идеи; ихъ поступки являются логическимъ слѣдствіемъ ихъ убѣжденій.

Въ сущности говоря, слова: — „Не обсуждайте теоретическихъ вопросовъ» сводится къ слѣдующему: — „Не оспаривайте *нашей* теоріи и помогите намъ осуществить ее».

Въ самомъ дѣлѣ, вы не найдете ни одной статьи въ газетѣ, въ которой бы не проскальзывали взгляды автора на то, какова должна быть въ будущемъ организація общества. Слова: „Рабочее Государство», „организація Государствомъ производства и обмѣна», „коллективизмъ» (ограничивающійся коллективной собственностью на орудія производства и отвергающій предоставленіе въ общее пользованіе всѣхъ продуктовъ), „тактика партіи», и т. п., — всѣ эти слова непрерывно встрѣчаются во всѣхъ газетахъ и брошюрахъ. Тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что не придаютъ никакого значенія „теоріямъ», на дѣлѣ усердно пропагандируютъ *свои* теоріи. И въ то время, какъ мы избѣгаемъ подобнаго рода обсужденій и споровъ, другіе распространяютъ *свои* идеи и концепціи, сѣютъ *новыя* ошибки, съ которыми намъ придется бороться. Достаточно будетъ упомянуть о книгѣ „Квинтэссенція Соціализма», Шеффле, австрійскаго эксъ-министра, который подъ предлогомъ защиты соціализма стремится спасти буржуазный порядокъ во время предстоящаго разгрома. Книга эта, въ которой такъ сильно чувствуется эксъ-министръ, не имѣла, правда, успѣха среди нѣмецкихъ и французскихъ рабочихъ; но его идеи, приправленные нѣсколькими революціонными фразами, пропагандируются ежедневно.